

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ АКАДЕМИКА Б.РИНЧЕНА:
ПИСАТЕЛЯ, ПЕРЕВОДЧИКА, ЖУРНАЛИСТА

Ю.В.Кузьмин*, М.Зулькафиль**, Ц.Цэрэн***

* Профессор Байкальского Государственного Университета экономики и права, доктор (ScD) исторических наук

** Профессор Кафедры журналистики и массовой коммуникации МонГУ, доктор (ScD) исторических наук

*** Журналист, переводчик

Ключевые слова: Б.Ринчен, научная переписка, российское и мировое монголоведение, творческая лаборатория учёного, переводческая деятельность, монгольский фольклор, бурятские писатели и учёные, научные и дружеские связи

Эпистолярное наследие академика Б.Ринчена чрезвычайно обширно, нам удалось познакомиться и исследовать только его часть. Совместно с переводчиком и журналистом Ц.Цереном, автором монографии о творческой биографии Б.Ринчена, подготовили к печати отдельный том переписки известного учёного и писателя. Оригиналы и копии писем Б.Ринчена и его адресатов хранятся в личном архиве монгольского переводчика и любезно предоставлены для научного изучения и введения в научный оборот.

Эпистолярный жанр позволяет ближе познакомиться с творческой лабораторией монгольского учёного, расширить представление о широте его научных интересов, неформальных оценках научных результатов отдель-

ных монголоведов, а также об уровне развития научной мысли Монголии и России. Несомненную ценность для историографии имеют творческие планы выдающегося учёного, часть из которых так и не удалось реализовать. Оригинальные оценки и меткие характеристики академика Б.Ринчена современной ему эпохи, политических и научных деятелей представляют интерес для филологов, историков, политологов и социологов. Остроумные и меткие характеристики Б.Ринчена давно уже превратились в пословицы и поговорки¹.

Академик Бимбын Ринчен (1905-1977 гг.) — выдающийся учёный-филолог, писатель, журналист и переводчик. В каждой из этих сфер он полностью состоялся как крупный и выдающийся деятель. В России впервые творческую биографию представил известный монголовед, профессор Ширап Бодиевич Чимитдоржиев. В приложении он также опубликовал некоторые письма Б.Ринчена².

Б.Ринчен-гуай прожил яркую и трудную жизнь, полную неустанного и напряжённого труда, научных изыс-

каний и высоких научных результатов и вершин. Был репрессирован, неоднократно подвергался необоснованной критике и гонениям. С другой стороны, его творчество и научные результаты были изданы на многих языках мира и получили национальное и мировое признание, он стал академиком и лауреатом Государственной премии Монголии, почётным членом многих иностранных научных ассоциаций и обществ.

Научная переписка Б.Ринчена свидетельствует о глубине и широте научных поисков учёного, оригинальности его научных идей и творчества, научной честности и бескомпромиссности учёного, а также широте научных связей исследователя с российскими и зарубежными монголоведами и писателями. Поражает его увлечённость, доброжелательность и научная щедрость Б.Ринчена.

Адресатами Б.Ринчена были люди различных специальностей: писатели, литераторы, переводчики, историки, этнологи, филологи, монголоеды, антропологи. Среди них писатели А.Бальбуров, А.Костицын, А.Гатов; монголоеды Н.Н.Поппе, А.Сандерс, С.А.Кондратьев, Н.Ц.Мункуев, Е.М.Даревская, филологи В.Д.Виноградов, С.П.Балдаев, историки Л.Н.Гумилев, Б.Ф.Поршнев, М.Ф.Нестурх. Невероятно широка география переписки: Россия, Германия, Польша, Чехия, Венгрия, Великобритания, США. Он вёл переписку с К.Седлачек (Чехия), Э.Трыярски, Р.Ямна, В.Плавински (Польша), Н.Н.Поппе (США), В. Хайссиг, У.Иохансен (Германия), С.А.Кондратьев, Л.Н.Гумилёв, Е.М.Даревская, А.В.Бадмаев (Россия) и др.

Широка тематика переписки Б.Ринчена: перевод его книги «Заря на

степью» на русский язык в Москве, проблемы монгольского и бурятского шаманизма, монгольский фольклор, проблема «снежного человека» и антропологии, монгольский язык и письменность, письменное наследие монгольских народов, место монгольской культуры в мировом наследии, оценка отдельных книг и статей, характеристика монголоведов и учёных в Монголии и в мире.

Много времени и усилий было потрачено на перевод с монгольского на русский язык романа-трилогии «Заря над степью» («Уурийн туяа», опубликованного в 1951, 1955, 1971 гг.). Сохранились письма литератора и писателя А.П.Костицына Б.Ринчену за 1958 год, который около двух лет совместно с переводчиком А.Р.Ринчино трудился над переводом романа. А.П.Костицын обрабатывал подстрочный перевод романа и стремился передать монгольский колорит русскому читателю. В письме от 19 февраля 1958 г. он предлагает Б.Ринчену назвать роман «Свет над степью», считая его более «перспективным». Познакомившись со списком писателей, которых Б.Ринчен переводил на монгольский язык, в письме от 17 марта 1958 г. А.П.Костицын восклицает: «Да это ведь не человек, а целая академия! Найдутся ли во всей мировой литературе хотя бы единицы, которые переводили бы произведения сорока авторов. Вашу разностороннюю эрудицию я почувствовал уже сквозь ткань романа»³. А.П.Костицын жалуется на низкое качество перевода А.Р.Ринчино («это был совершенно сырой материал»). В письме от 17 августа 1958 г. А.П.Костицын отмечает о качестве подстрочного перевода следующее: «Из Ваших

замечаний я понял, что Ринчинэ дал мне мешковину вместо шелковой ткани Вашего романа»⁴. А.П.Костицын отмечает увлечённость и высокую занятость монгольского писателя: «Ваша необыкновенная работоспособность как то и меня подтягивает, заставляет беречь часы и минуты»⁵.

В последующих письмах А.П.Костицын сетует на затягивание с изданием романа: «рукопись продвигается к типографскому станку со скоростью черепахи»⁶.

В переписке Б.Ринчена с А.П.Костицыным возникла дискуссия об уровне грамотности монгольского населения до революции. Монгольский учёный выступал против общепринятого тогда в научной литературе низкого уровня грамотности и культуры монголов. В ряде других писем Б.Ринчена отмечается жёсткая критика этого неверного и несправедливого заключения о низком общем и культурном уровне монгольского общества до революции 1921 г. Это была принципиальная позиция монгольского учёного, считавшего, что монгольский народ имеет оригинальную и самобытную национальную культуру и высокий процент образованных людей страны. В письме Б.Ринчена С.А.Кондратьеву от 23 февраля 1968 года он так написал об этом: «Я собираюсь написать после книги о ламских танцевальных масках ещё книгу о сокровищах книгохранилищ наших

старых библиофилов с цветными фотографиями, чтобы европейцев познакомить с книжным искусством монголов, которые знали книгопечатание задолго до И.Гутенберга. Развесистую клюкву надо монголисту выдирать и дать знать, что невежество чужеземцев, выдумывающих всякие благоглупости в конце двадцатого века уже нетерпимо и отнюдь не украшает

их авторов, а является, наоборот, свидетельством их духовной нищеты и убожества»⁷.

Даётся и общая характеристика писем Б.Ринчена: «вообще, письма от Вас — это как чистый родник, заглянешь в него и видишь пятна и морщины на своем лице»⁸.

Будучи оригинальным и самобытным национальным учёным, Б.Ринчен переписывался с опальными исследователями, похожими на него самого. Об этом свидетельствует его переписка с монголоведами Н.Н.Поппе, Л.Н.Гумилевым. Так, в письме Льву Николаевичу Гумилёву (называет его в письме «мой Арслан») от 22 января 1968 г. Б.Ринчен приветствует его книгу «Древние тюрки», но и высказывает свои конкретные критические замечания по качеству трактовки классических текстов. Как откровение звучат его слова об исследовании шаманизма: «Собираюсь уже давно на основании моих материалов по монгольскому шаманизму, которым занимаюсь уже сорок лет, написать

«

***Широка тематика переписки
Б.Ринчена: проблемы шаманизма,
монгольский фольклор, проблема
«снежного человека» и
антропологии, монгольский язык и
письменность, письменное
наследие монгольских народов,
место монгольской культуры в
мировом наследии, оценка
отдельных книг и статей,
характеристика монголоведов и
учёных в Монголии и в мире***

»

книгу натурфилософии монгольского шаманизма. По вашей книге вижу, как это было бы нужно для историков. Теперь, когда после четырёх десятков лет собирания и изучения шаманских обрядов, мифологии, призываний и преданий от около двухсот шаманов и бесед с ними уже сошедшими со сцены поколением знатоков и хранителей устных традиций, дополняющих и раскрывающих краткие показания письменных источников, я могу, наконец, сказать, что многое, когда-то бывшее мне таким же непонятным, как моим европейским коллегам-монголистам, уже стало давно на место. И я могу сказать, что шаманское мировоззрение сквозь призму которого смотрели на окружающее древние монголы и, конечно, тюркиты, руководило их поступками и в частной и государственной жизни»⁹.

В письме Л.Н.Гумилёва Б.Ринчену от 16 марта 1971 г. просит дать свой отзыв на книгу о монголах: «Я жду Вашего суда, единственного, безусловно, компетентного и справедливого. С нашими монголистами я не виделся уже пять лет, и надеюсь не встречаться дальше. Историки наши не решаются со мной спорить, а хвалить не хотят»¹⁰.

Ещё до личного знакомства с Л.Н. Гумилёвым в январе 1968 г. Б.Ринчен в одном из писем писал: «Работы Льва Николаевича весьма интересны. Это человек большой эрудиции и в голове у него мысли, а не трафареты, которыми одно время наполняли, заполняя пустоту в черепках живых роботов. Я питаю к нему большое уважение, хотя не встречался с ним лично»¹¹.

Это позднее будет всеобщее признание научных заслуг Л.Н.Гумилёва, будут массово издаваться его

книги, установят памятники и мемориальные доски. В переписке мы наблюдаем общение двух талантливых учёных, не особенно ценимых у себя на родине, и они ищут взаимной поддержки и понимания.

По понятным причинам в архиве учёного преобладают письма к Б. Ринчену, так как сам монгольский учёный в редких случаях оставил копии своих писем. Ц.Церену удалось списаться не со всеми адресатами Б.Ринчена¹², чтобы получить копии его писем. Так, удалось восстановить переписку монгольского учёного с Е.М.Даревской из Иркутска, которая бережно сохранила письма монгольского академика.

Вопросы российско-монгольских связей начала XX века, состав дипломатического корпуса России в Монголии, обучение монгольских учащихся в Иркутске обсуждались в переписке 1971-1972 гг. с известным иркутским монголоведом Е.М.Даревской. Эти сведения были необходимы Б.Ринчену при написании романа «Наместник Сандо» — последнем маньчжурском наместнике в Монголии.

В письме Б.Ринчена от 21 марта 1971 г. отмечается: «Для моего романа мне хотелось бы знать состав царского консульства в Урге девяносто девятого-одинадцатого года, точнее, чем я знаю сейчас. По нашим архивным монгольским материалам кое-что можно узнать, но это дипломатическая переписка с подписями консула Любы и др. В консульской церкви был и один священник, которого, возможно, я упомяну в романе, над которым я сейчас работаю. Если у Вас есть кое-какие имена консульских работников и некоторые их характеристики, то это представляло бы для меня интерес»¹³.

Б.Ринчен вёл активную переписку с учёными Бурятии, Калмыкии, Тувы, подчёркивал общность языков и культуры монголоязычных народов, предлагал совместные работы, проведение научных конференций.

Вопросы монгольского этногенеза, антропологии и монгольского «снежного человека» обсуждается в переписке с профессорами Б.Ф.Поршневым, М.Ф.Нестурх (специалист по антропологии, приматологии) из Москвы, Венчиславом Плавински (Польша). Речь шла о черепе и останках гуманоида, принадлежащего т. н. «снежному человеку» (алмас). Б.Ф.Поршневу (1905-1972 гг.) — известный советский учёный, доктор исторических и философских наук, специалист по криптозоологии и основоположник гоминологии — науки о снежном человеке. Б.Ф.Поршневу написал несколько писем о монгольском снежном человеке — алмасы. Профессор Б.Ринчен опубликовал несколько научных статей на данную тему, которая чрезвычайно его занимала.

Особое место в эпистолярном наследии Б.Ринчена занимают письма к лидеру Монголии Ю.Цеденбалу. В письме от 16 января 1967 г. он пишет Ю.Цеденбалу, Первому секретарю ЦК МНРП, Председателю Совета Министров МНР в связи с изданием третьей книги «Грамматика монгольского литературного языка». Книга была издана, но была запрещена к распространению и лежала в типографии. Б.Ринчен считает, что мелкие придирки к книге носят не научный, а личный характер со стороны директора Института языка и литературы Хорлоо: «Драконовские меры нашего директора по отношению ко мне и моим работам являются пережитком аракеевщины, ещё

живущий в стенах нашего института, но осуждённых прогрессом науки за пределами власти нашего директора»¹⁴.

Приводится информация и данные о том, что советские и венгерские монголоеды считают, что книга написана на должном уровне и имеет новаторский характер: «В ней много новых данных по морфологии монгольского языка, совершенно по иному трактующих образование слов, структуру корнеслов и иное объяснение категории числа в монгольском языке»¹⁵.

2 августа 1976 г. Б.Ринчен написал самое известное письмо Ю.Цеденбалу. Оно являлось ответом на статью «Высокий долг учёного», опубликованную в центральном журнале ЦК МНРП «Партийная жизнь», в которой очернялась его родословная и творческая биография, подвергалась сомнению честность учёного в изложении автобиографии и воспоминаний. Впервые оно было опубликовано в 1990 г. писателем Г.Акимом в журнале «Цог» и газете «Новости Монголии».

Б.Ринчен был вынужден объяснять и уточнять родословную семьи Бимбаевых и деятельность своего отца Р.Бимбаева — переводчика и чиновника, особенно в годы гражданской войны и революции. Для современных историков это ценный исторический источник, который не появился бы в других условиях. Была представлена краткая история научной травли и необоснованной критики Б.Ринчена. Защита традиционной национальной культуры, монгольского литературного языка привели к навешиванию ярлыка «националиста». В заключении письма Б.Ринчен выражает надежду, что со

временем «уберет запреты анонимщиков на печатание моих работ, которые я пишу не ради карьеры, а выполняя свой долг филолога-монголиста, этнографа, фольклориста, писателя и переводчика. Я выражаю надежду, что в скором времени будет спасен наш родной язык от чудовищно малограмотных “правил букв”, подобных которым не было со времени появления письменности»¹⁶.

Б.Ринчен являлся противником перехода с монгольской письменности на кириллицу. В письме к Н.С.Хрущеву в декабре 1956 г. он пытался доказать, что данный переход являлся исторической ошибкой, который отрезал значительное культурное наследие монгольского народа от современников.

Всю науку Б.Ринчен делил на настоящую научную мысль и имитирующую науку. В его письмах к адресатам это постоянно подчёркивается. Конъюктурщики, лжеучёные, и приспособленцы от науки критиковались им, являлись предметом иронии и сарказма.

Б. Ринчен был противником догматических идей, схоластики в науке. Ещё в 1947 г. он писал, что «появляются люди, мысль которых, усыпленная убийственная трафаретом, начинает уже просыпаться и работать над фактами монгольского языка, который мне так хотелось поднять до уровня современных культурных языков мира, используя его великие возможности»¹⁷. В письме к Н.Н.Поппе от 30 ноября 1935 г. он пишет о жестокой борьбе «с кустарничеством малограмотных переводчиков, я также добился победы и признания необходимости унифицирования терминологии»¹⁸.

Даже внешне Б.Ринчен-гуай отличался от современных ему учёных. Одевался в монгольский национальный костюм, носил оригинальную причёску и бороду. Таким образом, он подчёркивал приверженность традиционной национальной культуре. Один из немногих он владел иностранными языками, переводил с ряда европейских языков выдающиеся памятники мировой литературы, вёл обширнейшую переписку с зарубежными писателями и учёными. Б.Ринчен имел настолько величественный и благородный вид, что однажды за границей маленькая девочка спросила свою маму, глядя на него: «Это Бог?!». Комментарии, как говорится, излишни.

Получив в 1945 г. за сценарий художественного фильма «Цогт-тайджи» Государственную премию, Б.Ринчен сделал благородный поступок и передал всю сумму (15.000 тугриков) ленинградским детям-сиротам. Благодарные дети Ленинграда написали ему тёплые письма благодарности, и с некоторыми из них завязалась многолетняя переписка. Сохранилась трогательная переписка с ленинградскими сиротами Володей и Галиной Королевыми. Сохранились письма детей Б.Ринчену, из которых мы узнаем, что великий писатель до совершеннолетия детей писал им письма поддержки и посылал посылки с тёплыми вещами: валенками, ботинками, свитерами. В одном из писем дети писали: «Дорогой дяденька, нам очень хотелось бы повидаться с Вами на месте своего папы, если Вас не затруднит, то пришлите нам Вашу фотокарточку, если Вы приедете в Ленинград, то зайдите к нам»¹⁹.

В годы политических репрессий Б.Ринчен пять лет (1937-1942) провел

в тюрьме, получив приговор по ложному доносу и обвинению²⁰. В переписке он постоянно критиковал сталинский режим. Очень символично, что памятник Б.Ринчену установлен в 2005 г. на месте прежнего памятника И.В.Сталину, перед Национальной Публичной библиотекой в Улан-Баторе.

Публикация творческой переписки крупного монгольского учёного Б.Ринчена позволит более основательно понять и изучить духовное наследие классика монгольской науки и литературы, научную атмосферу советской и монгольской социалистической эпохи, её сложность и противоречивость развития. В эпистолярном наследии учёного представлены творческие планы его будущих исследований, характеристики современных монгольских писателей, историков, политиков. Неформальный характер оценок и характеристик исторических событий и личностей, научных трудов и конференций позволяют расширить наши представления по истории и культуре Монголии XX века.

Ссылки

2010. Степные были и небылицы. Составитель и переводчик Х. Мэргэн. Улан-Удэ: Буряад-Монгол ном, с. 307-311.

² *Чимитдоржиев Ш. Б.* 2005. Бимбын Ринчен — выдающийся учёный и писатель (1905-1977). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, с. 50-63.

³ Коллекция писем Б. Ринчена и его адресатов // Личный архив монгольского переводчика и журналиста Ц.Церена (Монголия, Улаанбаатар).

⁴ Коллекция писем Б.Ринчена...

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹ *Цэрэн Ц.* 2005. Буурал отгос Ринчен мэхийн ёсолбай. Улаанбаатар, с. 96.

¹² Коллекция писем Б.Ринчена...

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

²⁰ 2010. Степные были и небылицы. Составитель и переводчик Х. Мэргэн. Улан-Удэ: Буряад-Монгол ном, с. 307.

Список использованной литературы

¹ Коллекция писем Б. Ринчена и его адресатов // Личный архив монгольского переводчика и журналиста Ц.Церена (Монголия, Улаанбаатар).

² 2010. Степные были и небылицы. Составитель и переводчик Х. Мэргэн. Улан-Удэ: Буряад-Монгол ном.

³ *Чимитдоржиев Ш. Б.* 2005. Бимбын Ринчен — выдающийся учёный и писатель (1905-1977). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.

⁴ *Цэрэн Ц.* 2005. Буурал отгос Ринчен мэхийн ёсолбай. Улаанбаатар.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ. Проект 15-21-03007 Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX века: история, политика, экономика. Проект 15-21-03008 Энциклопедия российско-монгольских отношений.

Summary

Doctor of philological Sciences, Professor, academician B. Rinchen outstanding Mongolian scholar, writer, translator and journalist. Left a great musical legacy. This year marks the 110th anniversary since the birth of the researcher. Of particular value to the historiography has epistolary heritage of the famous scientist. In the scientific correspondence B. Rinchen reveals the creative laboratory of the famous Mongolian scholar and writer. His addresses were known Russian and foreign scientists in the Mongolia.